

УДК 94(=511.132)(470.342)

А. Е. Коньшин

ИССЛЕДОВАНИЯ О ЗЮЗДИНСКИХ ПЕРМЯКАХ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Зюздинский край находится на северо-востоке Кировской обл. в верховьях р. Кама и вплотную примыкает к Коми-Пермяцкому округу. По археологическим данным культура зюздинских городищ на этой территории идентична родановской культуре коми-пермяков, а потому язык зюздинских пермяков является одним из наречий коми-пермяцкого языка. Отсюда интерес коми-пермяцких ученых, направленный на исследование культуры и языка зюздинских пермяков. В настоящее время их насчитывается около 1500 и велик их интерес к своим этническим корням. Возрождается пермяцкий язык, один раз в два года проводятся фестивали «Чудо», готовится издание букваря.

Ключевые слова: Сюзьва, Зюзино, билингвизм, зюздинские (верхнекамские) пермяки, Р. Р. Пелисье, обрусение, фестиваль «Чудо».

Первое упоминание Зюздинского погоста мы находим в Вычегодско-Вымской летописи, согласно которой в 1586 г. погост вымский Зюзено передавался Перми Великой; далее, в 1607 г., зюздинские крестьяне обратились к царю Василию Шуйскому с жалобой на кайгородских чиновников, вследствие чего были снижены их налоги. Название «Зюзино», по мнению местного населения, происходит от названия реки Сюзьва, притока Камы, по берегам которой жили предки современных пермяков.

В кон. XVIII в. в Зюздинском крае населения было немного, и пермяки составляли немногим больше половины. В Зюздинских глухих лесах старались скрываться от федерального и царского гнета крестьяне северо-запада Руси. Жили дисперсно, из-за отсутствия пахотных земель крестьяне поселялись по одному-двум-трем домам. В кон. XIX в. происходит пополнение населения. В Грязновский с/совет поселились более 50 семей удмуртов, бесермян из Удмуртии. На территорию В.-Камского с/совета поселились эстонцы из Прибалтики. В дальнем северном углу появились татары, до сих пор отличающиеся своей национальной физиономией, обрядами, языком. Так создавался народ, получивший у исследователей название «зюздяк»; основу его составляли все-таки

пермяки. В соответствии с природой формировался своенравный характер, действовавший на власти ошеломляюще. К Строгановым они не попали, потому их жизнь была относительно вольной. В царском покорении они считаются с 1472 г., со времен покорения чердынских пермяков. В этот же период на них распространялось христианство.

По археологическим данным, культура зюздинских городищ на территории их проживания близка к родановской общности X–XIV вв., на основе которой сформировался пермяцкий народ. В настоящее время в Афанасьевском р-не их насчитывается около 1500 человек, но этническое самосознание выражено не очень четко. Однако старшее и среднее поколения считают себя пермяками. Этногенез зюздинцев до конца не изучен.

Описанием быта и языка зюздинцев в дореволюционный период занимались местный учитель Репин, сын местной помещицы Н. Штейнфельд, а также краевед П. Сорокин, сосланные во вятскую ссылку Михаил Салтыков-Щедрин и Владимир Короленко. К изучению истории Вятского края, в том числе и пермяков, был причастен А. И. Герцен, будучи там в ссылке в 1835–1838 гг. Он стал первым редактором описаний губернии по материалам, полученных с мест. Много сил в изучение края вложил А. И. Спасский – секретарь губернского статистического комитета. В течение 45 лет (1872–1916 гг.) он публиковал в «Губернских ведомостях» статданные и статьи о жизни и быте населения Вятского края, в том числе о пермяках. Особо следует отметить работу Н. П. Штейнфельда «Зюздинский край» [23]. Заслуживают внимания также публикации Н. Блинова, в частности в журналах «Вятские губернские ведомости» [2]. Некоторые из высказываний этих исследователей мы приведем ниже, однако отметим, что они тенденциозны и в некоторых случаях несправедливы: с преувеличением и вымыслом.

В советское время зюздинское наречие пермяцкого языка нашло отражение в работах В. Лыткина и Г. Нечаева. Работы последнего отметим особо. В 1928–1929 гг. он обошел весь Зюздинский край и собрал богатейший материал, систематизировал и описал его в статье «Характеристика зюздинского диалекта коми языка». Г. Нечаев рассмотрел историю народа, его быт, занятия, пути и средства передвижения и, конечно же, язык: изменения в области лексики, фонетики и морфологии. Причем выселочно-починочный характер поселений ослаблял связи между отдельными группами пермяков, порождая различия в языке отдельных групп. Язык этого совсем небольшого района не представляет чего-то единого и нераздельного – отмечает он [12]. Автору удалось записать со слов старожилов несколько стихшков и сказок с переводом на русский язык.

В 2010-ые гг. исследованием языка занимались сыктывкарские ученые: С. А. Сажина и Е. Н. Федосеева [17]. Этнографическое описание мы можем найти в работах В. Н. Белицер «У зюздинских пермяков», в «Очерках по этнографии народа коми в 19 – начале 20 вв.» [1], а также Р. Д. Голдиной и В. А. Кананина «Население верховьев Камы в эпоху средневековья (западный вариант Ломоватовской и Родановской культур)», «Средневековые памятники верховьев Камы» [5], Р. М. Боталовой «Коми-пермяцкая диалектология» [3]. Этнографией занимались также сыктывкарский ученый Ю. Шабаев и финский исследователь

С. Лаллукка [10]. Кстати, Ю. Шабаяев в работе «Коми-пермяцкая диаспора» пишет: «...сегодня уже можно говорить, что данной этнографической группы нет, а в Афанасьевском районе проживают только отдельные носители языка и этнического сознания» [20]. Однако с такими выводами соглашаться не позволяет нынешняя ситуация.

Зюздинский край основательно изучен Р. Д. Голдиной и В. А. Кананиным [5]. Выводы медицинских исследований помещены в работе М. Хомякова «Зюздинские пермяки» [18]. Н. Лопуленко в работе «Народы крайнего Севера России во второй половине 90-х гг. XX в.» также анализирует язык зюздинских пермяков и дает оценку включенности поколений в знание языка. Таков далеко не полный перечень работ по истории и культуре верхнекамских пермяков.

С падением значения Кая был забыт и подвластный ему Зюздинский край, с его смешанным пермячко-русским населением. «Культура страны, умственное развитие населения, – писал Добротворский, – стоит на низкой ступени. Я полагаю даже, что инородческая часть по самой природе своей неспособна к культуре» [6]. Наблюдатели замечают, например, что пермякам математика не дается. В среде школьников встречаются мальчуганы, которые в два учебных года свободно пишут и читают по-русски и по-славянски, но задай ему простую арифметическую задачу на сложение или вычитание, он из смышленного ученика превращается в тупицу» [23]. Весьма нетактичное высказывание автора.

«Кроме этого русско-пермяцкое общество Зюздинского края отличается крайней тупостью, особенно “прекрасный пол”, – писал в 1892 г. Н. П. Штейнфельд, работавший там земским начальником. – В земскую контору однажды явилась пермячка с заявлением на мужа, но не смогла припомнить его имени. Тогда она решила наконец сходить к соседу и спросить имя собственного мужа. И он помог. Другой пример. Во время судебных разбирательств местоимение “Вы” употреблять нельзя. Услышав такое обращение крестьянин начинает недоуменно оглядываться, к кому еще относится это “Вы”, когда тут он один» [23]. На наш взгляд, Штейнфельд, желая придать более привлекательный вид своему высказыванию, явно перестарался. «Крайняя тупость» не может служить научной оценкой умственного состояния человека.

Женщины чаще говорят по-пермяцки, хотя они все знают русский язык, вопреки обычаям других верхнекамских инородцев, например вотяков, черемисов или татар, жены и дочери которых обычно не знают ни одного русского слова.

«Пермяцкий язык крайне беден. Отвлеченных понятий почти не существует, – пишет И. Н. Смирнов, – слова “ходить”, “ездить”, “прийти”, “уйти”, “бежать” – переводятся одним выражением. Народное творчество пермяков крайне бедное. Никаких преданий или воспоминаний из старины не существует. Собственных песен также почти нет. Существует несколько пермяцких жалких сказок о леших, об оборотнях и злых духах, водящихся именно почему-то на мельницах» [15. С. 43].

И. Н. Смирнов также пишет, «...что этнографическое смешение пермяков и русских произошло не в пользу русских. Особенно это смешение сказывается в типе женщины, которые отличаются совершенным безобразием. Невысокий

рост, крепкое мужественное сложение, большая голова с редкой рыжевато-белокурой растительностью. Плоское лицо с выдающимися скулами, широкий нос и рот, серые или голубые маленькие подслеповатые глаза и отсутствие бровей. Таков тип представительниц зюздинского “прекрасного пола”. Мужчины весьма некрасивы. Коренной пермяк почти всегда невысокого роста, крепок и широк в плечах, сухощав, лицо скуластое с тупым выражением тех же серых или голубых глаз. Преобладают блондины. Стригутся очень редко. Растительность на бороде и усах невелика, иногда отсутствует.

Одеваются пермяки весьма просто. Лапти составляют постоянную обувь, даже по праздникам. В сапогах ходят только более зажиточные обыватели.

Безобразного пьянства и разгула в Зюзино не существует. Бывает, пьют по праздникам у кабаков, случаются драки. Т. к. питейных заведений мало, пьют домашнюю брагу, кумышку. Вообще пожилые местные крестьяне ведут себя весьма степенно и трезво. Чаше бесчинствует только молодежь» [4.С. 23].

«Судя по бедности языка пермяков, который в том же самом виде существует и сейчас, – пишет Н. П. Штейнфельд, – но с добавлением русских слов, понятия их были до крайности ограничены, а быт отличался самой патриархальной простотой – например, не существовало различия степеней родства, кроме родителей и детей. Остальные родственниками близкими не считались. Отсюда браки между братом и сестрой, дядей и племянницей считались вполне нормальным явлением» [23. С. 281].

«О пище, – пишет настоятель Христорождественской церкви А. Н. Шатров, – надо сказать только то, что она примитивна и состоит почти исключительно из хлеба, плохо просеянного с примесью овсяной муки. Мясо употребляется только в разговенье и по большим праздникам. Леса полны дичью, но охотников совершенно нет. Реки изобилуют рыбой, но ее никто не ловит.

При подобном положении брага является большим подспорьем. Её зюздинцы пьют целый день. Она густа, весьма питательна и после второго стакана слегка опьяняет» [21].

Исследуя историю зюздинцев, Штейнфельд решил наконец, обратиться к старожилам, их рассказам. Однако сколько-нибудь ценного материала он не получил. В том, что старики не рассказали ему ничего о своем прошлом, нет ничего удивительного. Н. Рогов пишет, что «...пермяку свойственны скрытность, недоверчивость, он редко допустит заглянуть к себе в душу. Не в натуре пермяков говорить много, особенно при посторонних. Даже обыкновенная болтовня у них мало имеет места». Среди зюздинских пермяков и сейчас существует неписанный закон: «Если не знаешь человека, много не разговаривай». В таких случаях у них всегда бывает ответ «не знаю» [13. С. 67].

Штейнфельд был земским начальником и на местное население он смотрел «сверху». Поэтому крестьяне ему не доверяли и не открывали своих тайн.

П. И. Варанкин пишет, что «...обыватели зюздинского края – народ крайне грубый и невежественный, пользующийся в окрестности дурной славой. Пьянствуют зюздинские обыватели не только в праздники, но и в будни, при всяком удобном случае, тем более что водку можно достать в любом деревенском шинке. В деревнях и селах процветает шинкарство. Много муки уходит на брагу

и кумышку. С зюздинским пьянством так или иначе надо бороться и в первую очередь духовенству и учителям» [4. С. 17].

А вот другой пример. В 1912 г. Зюздинский край посетил немецкий ученый, этнограф Роберт Робертович Пелисье. Поселился в глухой деревушке Бисеровской волости, общался с жителями, охотился. По его словам, «...зюздинский народ понравился своими положительными качествами: добротой, гостеприимством, разговорчивостью, откровенностью и прочим. Наши же обаятельные барышни произвели на Пелисье такое впечатление, что, по его словам, если он будет жениться, то обязательно женится на такой девушке» [16. С. 941].

Как видно из высказываний, практически все исследователи, кроме последнего, отзываюся о зюздинских пермяках в темных тонах. На наш взгляд, дореволюционные исследователи, описывая жизнь и быт зюздинцев, все в разной степени преувеличивали, чтобы произвести более сильное впечатление на русского читателя. Конечно же, пермяки, видя в русских буржуазных исследователях или руководителях лиц, ущемляющих их права, старались отмалчиваться или отделываться коротким ответом: «Не знаю». Но все исследователи едины в одном, что пермяки, в отличие от удмуртов, татар, проживающих в Зюздинском крае, хорошо владеют и русским, и пермяцким языками. Люди, знающие два языка, не могут быть «невеждами», «глупыми и тупыми». Здесь надо принять во внимание географический и природный фактор. Дисперсность населения тоже во многом определяет культурный тип человека. Они в буквальном смысле слова были «детьми природы», как говорил К. Ф. Жаков.

Теперь мы знаем, что в Афанасьевском р-не пермяцкими являются Московское, Ромашевское, Пашинское и Илюшовское сельские поселения. По данным переписи 1929 г., в районе насчитывалось 17 тыс. коми-пермяков, а в 1989-м – только 800. По переписи 2002 г. назвали себя пермяками 351 чел. (по области 1219 коми-пермяков) [7. С. 336]. Интересно, что в результате устного опроса в 2013 г. в четырех пермяцких поселениях 865 чел. взрослого населения заявили, что умеют разговаривать на пермяцком языке и еще 105 чел. понимают пермяцкий язык, а среди 80 детей 49 чел. умеют разговаривать на языке своих предков. Таким образом, можно предположить, что коми- пермяцкий язык будет жить и развиваться [9. С. 80].

Не надо думать, что они, живя в лесу, не пользовались дичью, дарами леса и, живя около Камы и ее притоков, не ловили рыбу, не строили на них мельницы. Нынешним исследователям не стоит выпячивать и вторить указанные выше негативные моменты и доводить их до широкой публики, а аргументированно их опровергать.

Кстати, и зюздинские пермяки, и язвинские в трудах всех ученых, в том числе проф. И. Н. Смирнова, Н. А. Рогова К. Ф. Жакова, Н. М. Малиева [11. С. 113] и других исследователей коми-пермяки проходили тоже как пермяки. Коми-пермяками они искусственно стали в 1925 г., чтобы в дальнейшем можно было аргументировать объединение с Коми областью – с коми (зырянами). Нигде в мире нет двухсоставных названий народов. Так почему наш народ уже почти 90 лет называется одновременно и коми, и пермяками. Надо привести название

народа в соответствии с всемирной классификацией народов, то есть вернуть ему исконное название «пермяки».

Подводя итог, скажем, что наблюдаемый в последнее время интерес народа к своим этническим корням в Афанасьевском р-не, появление энтузиастов, радеющих за возрождение языка; сохранившееся, вопреки всему, в быту верхнекамское наречие пермяцкого языка; проведение научно-практических конференций и фестивалей коми-пермяцкого фольклора «Чудо», ставшего уже традиционным, помогут сохранению зюздинской коми-пермяцкой этнографической группы, их языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Белицер В. Н.* У зюздинских коми-пермяков // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1952. Вып. 15. С. 27–38.
2. *Блинов Н.* Заметки о пермяках Вятской губернии // Вятские губернские ведомости. 1861. № 44. С. 361–362; № 45. С. 368–370.
3. *Боталова Р. М.* Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
4. *Варанкин П. И.* Зюзино // Предания старины глубокой. Афанасьев, 2009. С. 22–40.
5. *Голдина Р. Д., Кананин В. А.* Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд. Ур. гос. ун-та, 1989. 216 с.
6. *Добротворский.* Пермяки // Вестник Европы. 1883. 113 с.
7. *Коньшин А. Е., Галкина М. Е.* Некоторые итоги экспедиции к верхнекамским коми-пермякам // Локальные истории как часть всеобщности социума. Кудымкар–Пермь: ИУУ, 2014. С. 336–342.
8. *Коньшин А. Е.* Знакомьтесь: Коми-пермяки // Локальные истории как часть всеобщности социума. Кудымкар–Пермь: ИУУ, 2014. С. 120–127.
9. *Кострова Л. Р.* Предания старины глубокой. Афанасьев: Полиграфучасток АУ «Призыв». 104 с.
10. *Лаллукка С.* Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. СПб.: Европейский Дом, 2010. 334 с.
11. *Малиев Н. М.* Антропологический очерк башкир. Казань: Тип. Каз. ун-та, 1876. 272 с.
12. *Нечаев Г. А.* Характеристика зюздинского диалекта коми-пермяцкого языка // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Сыктывкар, 1930. С. 1–27.
13. *Рогов Н. А.* Материалы для описания быта коми-пермяков. Пермь–Кудымкар: Кн. изд. 2008, 223с.
14. *Селезнева Л. Н.* Язык афанасьевских (зюздинских) коми-пермяков. // Локальные истории как часть всеобщности социума. Кудымкар–Пермь: ИУУ, 2014. С. 300–304.
15. *Смирнов И. Н.* Пермяки. Казань: Изд. Каз. ун-та, 1891. 289 с.
16. Ученый-этнограф Пелисье в Бисеровской волости // Вятские епархиальные ведомости. 1912. № 37. С. 940–941.
17. *Федосеева Е. Н.* К вопросу о месте верхнекамского наречия в системе коми языков (на материале лексики) // Уралистика. СПб.: Филфак СПбГУ, 2010. С. 88–93. О влиянии русского языка на язык Кировских пермяков // XII Congress Fenno-ugristarum. Pars IV. Piliscaba, 2010. С. 106–109.

18. *Хомяков М. М.* Зюздинские пермяки // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Т. 44. Вып. 3. Казань, 1911. С. 43–47.

19. *Цыпанов Е. А.* О положении зюздинских коми в Кировской области // История и культура Волго-Вятского края. Киров: Волго-Вятск. кн. изд., 1994. С. 376–377.

20. *Шабаетов Ю.* Коми-пермяцкая диаспора: история и современность // История и культура Волго-Вятского края. Киров, 1994. С. 374–376.

21. *Шатров А. Н.* Зюздинцы: Письмо из Глазовского уезда // Вятская речь. 1913. 15 авг. (№ 173).

22. *Шатров А. Н.* Забытый край: Письмо из Зюздинского края // Вятская речь. 1913. 21 февр. (№ 27).

23. *Штейнфельд Н. П.* Зюздинский край Глазовского уезда // Календарь Вятской губернии на 1893 г. Вятка: Изд. Вятск. Губернск. стат. комитета. 1882. С. 272–312.

Поступила в редакцию 11.08.2016

A. E. Konshin

Research on the Zyuzdino Komi-Permyaks in the Historical Retrospective

Zyuzdino region is situated in the north-east of Kirov Oblast in the upper reaches of the Kama river and borders the Komi-Permyak Okrug. According to archaeological data the culture of Zyuzdino ancient settlements is identical to the Rodanovskaya culture of the Komi-Permyaks, for this reason the language of the Zyuzdino Komi-Permyaks is one of the dialects of the Komi-Permyak language. Therefore, the Komi-Permyak researchers aim to study the culture and dialect of the Zyuzdino Komi-Permyaks. Nowadays there are about 1500 Zyuzdino Komi-Permyaks who are interested in their ethnic roots. The language is being revived, every two years the festival “Chudo” is held, and an ABC book is being prepared for publication.

Keywords: Syuzva, Zyuzdino, bilingualism, Zyuzdino Komi-Permyaks, Robert Pelissier, russification, festival “Chudo”.

Коньшин Анатолий Евдокимович,

доктор исторических наук, профессор,

Коми-Пермяцкий институт усовершенствования учителей

619000, Россия, г. Кудымкар, ул. Калинина, 25

E-mail: kama-rod@yandex.ru, umo-inva@yandex.ru

Konshin Anatoly Evdokimovich,

Doctor of Sciences (History), Professor,

Komi-Permyak Extension Course Institute for Teachers

619000, Russia, Kudymkar, Kalinina St., 25

E-mail: kama-rod@yandex.ru, umo-inva@yandex.ru